РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'42:811.581'42
ББК Ш141.12-51+Ш171.1-51 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*
DOI 10.26170/pl19-05-19

Линь Сюе
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0406-4875 ☑

☑ ***E-mail:*** *linxue@mail.ru.*

Русский «медведь» и китайский «лун»*: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *Зоометафора играет важную роль и в изучении отдельных языков, и в сопоставительных исследованиях. Анализ зоометафор в политическом дискурсе уже несколько десятилетий привлекает внимание лингвистов как в России, так и в Китае (достаточно назвать такие имена, как А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Ф. Н. Гукетлова, Т. С. Вершинина, Чжао Янфан, Сюе Яхун, Го Вэйхай). По мнению российского лингвиста А. П. Чудинова, «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в совокупности метафоры составляют метафорическую картину мира носителей одной культуры. Характерные для русского и китайского национального менталитета представления о животном мире отражены в зооморфных метафорах, употребляемых в политическом дискурсе на обоих языках. В своих исследованиях китайские лингвисты Сюе Яхун и Го Вэйхай обращают особое внимание на концептуальную метафору «Человек — это животное», подчеркивая, что она является одним из важнейших средств познания и представления знаний в языке. Употребление зоометафоры в политическом дискурсе позволяет политикам и государственным деятелям более образно и эффектно представлять свою позицию и успешнее влиять на мнения граждан. В данной статье анализируются метафоры с компонентом «медведь» и метафоры с компонентом «лун» — концептами, занимающими важное место в языковых картинах мира соответственно русских и китайцев. Образ медведя метафорически представляет политический авторитет России, при употреблении слова «медведь» актуализируется значение «сила», в результате россияне воспринимают Россию как мощное государство, способное защитить себя. В свою очередь, лун репрезентирует Китай и в глазах китайцев является символом всего священного, благородного, сильного и успешного, представляя Китай как авторитетное государство. В статье обсуждается вопрос о корректности перевода слова «лун» словом «дракон» и отмечается, что и лун, и дракон — образы с глубокими мифологическими корнями, издавна существующие в культуре, образы, с которыми связаны различные представления, в связи с чем в отношении китайской культуры уместно использовать именно слово «лун», а не «дракон». Попытки подменить слово «лун» словом «дракон» в политическом дискурсе приводят к неверному восприятию Китая в мире, дают основания для ассоциации Китая с опасностью и злом. Анализ случаев употребления метафор с компонентами «медведь» и «лун» в западной прессе позволяет установить, что данные метафоры могут транслировать в том числе негативную оценку, что свидетельствует о неоднозначном восприятии России и Китая западными политиками.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *зоометафоры; политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политический дискурс; «медведь»; «лун»; русский язык; китайский язык; сопоставительное языкознание.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Линь Сюе, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: linxue@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Линь, Сюе.* Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе / Линь Сюе // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 177-184. — DOI 10.26170/pl19-05-19.

* Обычно слово «лун» переводится как «дракон», однако с данным китайским словом связаны принципиально иные представления и ассоциации, чем в европейской культуре.

Зооморфная метафора представляет собой сложное языковое явление, в ней закреплены представления целого народа о внеязыковой действительности. Зооморфная метафора, обладающая значительным когнитивно-оценочным потенциалом, является одним из немногих универсальных способов номинации. Факт наличия зоометафор в разных языках обусловлен тем, что с древних времен человек живет в окружении животных. При том что метафорическая номинация существует в большинстве языков мира, основания образной номинации часто отличаются в разных языках, что обусловлено особенностями среды проживания человека и спецификой культуры. Известно,

© Линь Сюе, 2019

что в каждой культуре разным животным присваиваются разные характеристики, которые и составляют основу для создаваемых метафор. Рассматривая проблему соотношения типологического и национального в зоометафоре, Ф. Н. Гукетлова особо подчеркивает, что, с одной стороны, в каждой зоометафоре отражены общечеловеческие ценности, а с другой — особенности мировосприятия носителей разных языков и культур [Гукетлова 2009: 105].

Исследование зоометафор в политическом дискурсе уже несколько десятилетий привлекает внимание как русских, так и китайских лингвистов, среди которых А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Ф. Н. Гукетлова, Т. С. Вершинина, Чжао Янфан, Сюе Яхун, Го Вэйхай и другие. По мнению китайских лингвистов Сюе Яхун и Го Вэйхай, концептуальная метафора «человек — это животное» является одним из важнейших средств познания и представления знаний в языке. Установление схожих черт между животными и людьми, признание общих характеристик между ними в сочетании с глубоким культурным наследием позволяет выявлять и сохранять специфику национального менталитета, уникальность каждой культуры и способы ее познания [Сюе, Го 2010: 71]. При этом зоометафора — это не некий раз и навсегда заданный смысл, на что, в частности, указывает А. П. Чудинов, полагающий, что «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в целом составляя метафорическую картину мира общества в национальном сознании [Чудинов 2003: 248].

Характерные для русского и китайского национального сознания представления о животном мире отражены в зооморфных метафорах, используемых в политическом дискурсе на обоих языках, и составляют когнитивную модель «Политика — это мир животных». Согласно исследованиям, составляющие данную модель метафоры «имеют в абсолютном большинстве негативную окраску и обладают агрессивным прагматическим потенциалом» [Вершинина 2002: 24].

В данной статье анализируются метафоры с компонентом «медведь» и метафоры с компонентом «лун», занимающие важное место в языковых картинах мира соответственно русских и китайцев. Отметим, что слово «лун» рассматривается в статье как зооним, несмотря на то что является, в отличие от слова «медведь», средством обозначения вымышленного существа. Основанием для такого подхода стал образ луна, который имеет голову верблюда, рога оленя, глаза зайца, шею змеи, чешую карпа, когти орла, лапы тигра и уши быка и таким образом вобрал в себя признаки сразу нескольких животных.

В российском социуме образ медведя прочно укрепился в арсенале средств воздействия политической сферы, где выполняет самые разные функции, в том числе геральдическую, поскольку медведь — это, например, эмблема партии «Единая Россия», при этом слово «медведь» является средством именования членов данной партии или вообще жителей России:

Объявляя о прекращении пассажирского сообщения с РФ, министр инфраструктуры Украины глумливо заявил, что „теперь в Москву будут ходить только медведи“ (АиФ. 19.9.2018).

Кроме того, слово «медведь» выступает средством вторичной номинации по ряду существенных признаков, например «крупный», «сильный», «хищный», которые благодаря образности человеческого мышления и языка приобрели в русском языке значения «власть», «могущество». Приведем примеры:

Почему западная публика так легко покупается на недоказанные обвинения: „потому что этот бренд был раскручен ещё в прежние времена. Да, был период, когда казалось, что русский медведь — добрый и приятный. Но так было, пока медведь казался слабым. Пока мы вписывались в их картину мира — мы были „хорошими русскими“. Это, кстати, не значит, что русский медведь должен кусаться. Нет, пусть он улыбается миру. Но только при этом все зубы должно быть видно“ (АиФ. 11.07.2018).

Но на многие вопросы Европа будет закрывать глаза, потому что Украина — это инструмент, который позволяет дразнить „русского медведя“, — сказал Вадим Колесниченко (РИА Новости. 12.11.2018).

В одной из статей Т. Рябовой представлены результаты эксперимента, в ходе которого российские респонденты должны были давать реакции на слово «медведь». Приведем полученные результаты: на первое место участники эксперимента поставили значение «сила» (58,0 %), далее следовали «отсталость» (43,0 %), «неуклюжесть» (37,0 %), «агрессивность» (25,0 %). На вопрос: «Если бы вы сравнивали Россию с медведем, то какими качествами вы бы ее наделили?» — были получены следующие ответы: «сила» — 81 %, «добродушие» — 41 %, «бесхитростность» — 13 %, «неуклюжесть» — 12 %, «отсталость» — 6 %, «глупость» — 6 %, агрессивность — 4 % [Рябова 2012: 338].

Приведенные данные объясняют, почему именно образ медведя наиболее активно

используется российскими СМИ и российскими политиками. Так, министр обороны РФ С. К. Шойгу в ответ британскому коллеге М. Фэллону, заявившему, чтобы «медведь не совал свои лапы в Ливию», сказал: *«Что у них (британцев. — Ред.) на гербе — лев, кажется? Есть такая пословица: все львы — кошки, но не все кошки — львы. И мы не думаем, что в их зоопарке вырос зверь, который может указывать медведю»* (АиФ. 01.03.2017).

Высказывание британского министра дает основание полагать, что он ассоциирует Россию с медведем, а слова «чтобы медведь не совал свои лапы в Ливию» свидетельствуют о том, что М. Фэллон увязывает данный образ с опасностью и агрессивностью, т. е. для него образ медведя имеет отрицательную окраску. С. К. Шойгу, в свою очередь, считает, что медведь — это самое сильное животное, с которым не может сравниться ни британский лев, ни другое создание. Он особо подчеркивает, что львы — это всего лишь кошки и они гораздо слабее медведя. Образ медведя позволяет российскому министру выразить мнение, что Россия — это самое сильное государство. Примеры доказывают, что в русском сообществе и в западном мире со словом «медведь» связаны разные представления.

Приведем слова президента РФ Владимира Путина, который заявил в ходе общения с участниками Международного дискуссионного клуба «Валдай» следующее:

Помните замечательную фразу: „То, что позволено Юпитеру, не позволено быку“. Но мы не можем согласиться с такими формулировками. Может быть, быку и не позволено, но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет… Вообще он считается у нас хозяином тайги, и он не собирается, я знаю точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно (Вести 24. 10.2014).

На одной из своих конференций президент РФ Владимир Путин также сказал: *„…медведя не оставят в покое“ и „всегда будут стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь, после чего вырвут и зубы, и когти“* (Вести 18.12.2014).

Данные слова В. В. Путина раскрывают сущность образа медведя с точки зрения русских людей. Медведь умеет за себя постоять, умеет себя защитить, он сильный, гордый и смелый. Для русских образ медведя является символом России, олицетворяет мощь России и силу духа русского народа и, в отличие от представления в западных СМИ, имеет положительную окраску.

Являясь важным символом России, образ медведя исключительно активно используется также западными СМИ и западными политиками. Приведем еще один пример, в котором Девин Нунес (американский конгрессмен) высказал следующее мнение:

Это единственный способ снизить зависимость Европы от газа из РФ — он поможет странам ЕС, в частности, ФРГ, больше не „подкармливать „русского медведя“ деньгами“ (АиФ. 14. 08.2018).

В китайском языке со словом «медведь» связаны значения «крупное, глупое, неуклюжее, простодушное и даже бесполезное животное». Образ медведя в китайской картине мира окрашен отрицательно. Например, выражение 熊市 (рынок «медведей») означает длительный период общего понижения фондовой конъюнктуры, это рынок, характеризующийся тенденцией падения цен, от которого выигрывают «медведи».

В китайской культуре сохранились примеры, когда образ медведя как символ России использовался в карикатурах («Политическая ситуация», 1900 г.; см. рис. 1). Однако сегодня в китайских СМИ образ медведя для описания России почти не используется. Примеры такого употребления были найдены нами только в переводных статьях из зарубежных СМИ.

Причина, по которой китайские СМИ воздерживаются от использования образов животных для описания других государств или известных личностей, заключается в стремлении Китая соблюдать нейтралитет и политическую корректность, а также связана со стремлением избежать неправильного истолкования вкладываемых в образ значений.

В качестве метафорического обозначения Китая обычно используется образ луна. Лун тесно ассоциативно связан с Китаем и играет большую роль в развитии китайской культуры. Существуют разные мнения о происхождении образа луна. Самое раннее его изображение было обнаружено в китайских исторических реликвиях 8000 лет назад, в то время лун считался защитником народа [Линь 2000: 21]. В развитии китайской культуры на протяжении 5 тысячелетий лун всегда был священным символом, современные китайцы называют себя потомками луна.

Надо заметить, что культурные представления, связанные с китайским луном, сильно отличаются от того, как воспринимается дракон в западном мире. Отличия типичных образов продемонстрированы на рис. 2.

Рис. 1. Политическая ситуация (карикатура, 1900)

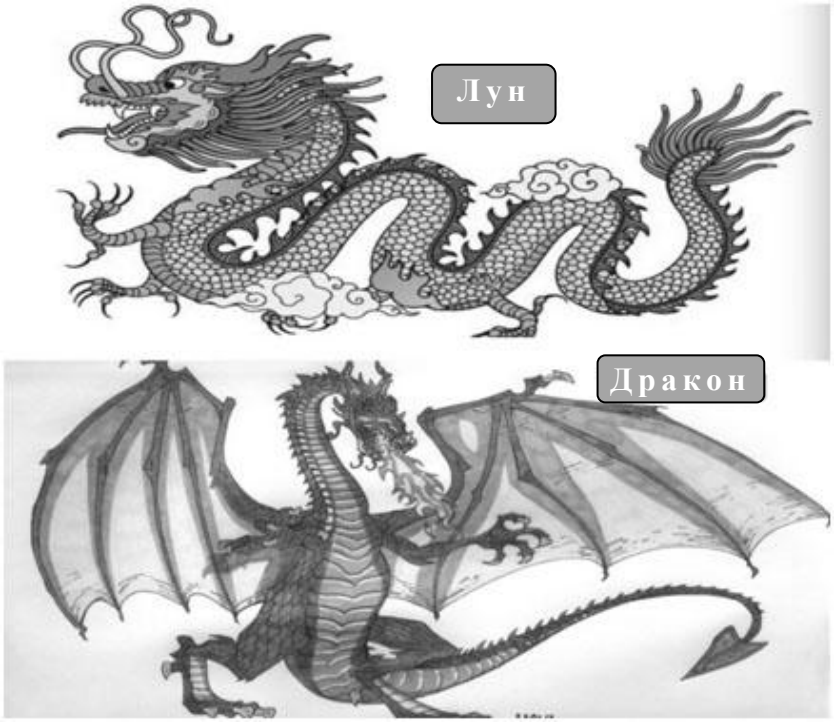

Рис. 2. Лун и дракон

Китайцы издавна поклонялись луну, считая его существом, которое живет в море и контролирует водную стихию, дарует плодородие. С течением времени лун стал символом императорского дома, а сам император именовался 真龙天子 — рус. «настоящим луном и сыном неба»; сына императора называли сыном лу́на, лицо императора называли лицом луна.

Сегодня лун уже не имеет прямого отношения к образу императора, тем не менее считается, что люди, рожденные в год Луна, обладают лучшими человеческими качествами. Эти представления отражены в китай-

ских фразеологических оборотах: 望子成龙 (букв. «надеяться, что сын станет луном», т. е. надеяться, что сын станет наилучшим человеком); 人中龙凤 (букв. «лун и феникс среди людей» — об отличном человеке); 龙头企业 (букв. «предприятие — голова луна», т. е. предприятие-лидер) и др. Примечательно, что лун — единственный из двенадцати знаков китайского гороскопа, который является вымышленным животным.

Таким образом, с древних времен и до сегодняшнего дня лун почитается как символ счастливого предзнаменования, его образ превозносится китайской нацией, всегда имел для китайцев положительную оценку. При этом лун может постоять за себя, если проявить к нему агрессию, и это также является его достоинством. За словом «лун» в языке устойчиво закрепились представления о святости, благородстве, таинственности, авторитете, силе, удаче и другие.

В свою очередь, в западной культуре дракон изображается в виде крылатого, огнедышащего змея или крылатой ящерицы. Он воспринимается как опасное, свирепое, большое, страшное и сильное существо. В результате, хотя оба образа — и луна, и дракона — имеют мифологические корни, в соответствующих лингвокультурах с ними связаны разные представления, в связи с чем в отношении китайской культуры уместно использовать именно слово «лун», а не «дракон».

Попытки замены слова «лун» словом «дракон» в политическом дискурсе, в особенности при переводе, приводят к неверному восприятию Китая, дают основания для ассоциации Китая с опасностью и злом. В западных СМИ даже есть выражение «китайский дракон», которое подразумевает, что Китай несет угрозу, является опасным и агрессивным государством, в то время как концепт «лун» не содержит отрицательных оценочных значений. В данном контексте интересно замечание президента Китая Си Цзиньпина, который говорил:

Китайский лун и индийский слон сосуществуют в гармонии, развиваются мирно, в сотрудничестве друг с другом и терпимости друг к другу, с выгодой для обеих стран, принося пользу окружающим и приумножая ее для всего мира (ЖмЖб. 20.09.2014).

Лун является символом Китая, так же как слон — символом Индии. Соединив два образа в одном контексте, президент Си указал на тесные отношения между двумя странами:

Реальный сектор экономики — это основа стремительного взлета китайского луна, это самые прочные паруса для китайского корабля, мы достигаем благополучия, опираясь именно на реальный сектор экономики, и будем продолжать это делать в будущем (ВцзЖб. 26.10.2018).

Привлечение метафорических выражений оказывает большее воздействие, нагляднее доносит идею о необходимости взаимоуважения и сотрудничества в мировой политике. Образ луна используется также и в других контекстах, что доказывает его исключительную значимость для Китая:

Лун уже поднял голову (дельты реки Янцзы), хвост луна — Сычуань и Чунцин — ускоряются в развитии благодаря интеграции, а телу луна — центральной части Китая — необходимо как можно быстрее догонять остальных, превратив свои экологические преимущества в преимущества развития, а географические преимущества — в инновационные. Лун уже начал танцевать, создавая промышленный комплекс мирового уровня, интернационализируя мегаполисы и формируя систему образования высшего класса (ГмЖб. 14.06.2018).

В приведенной цитате образ луна используется для метафорического представления реки Янцзы, напоминающей по своей форме луна. Сравнение с луном позволяет автору более полно выразить свою мысль о текущем состоянии районов, примыкающих к реке Янцзы. Район дельты реки Янцзы — «голова луна», и выражение «поднял голову» означает, что этот район уже хорошо развит. Выражение «лун начал танцевать» указывает на то, что некоторые районы уже достигли высокого уровня развития, в то время как в других перемены только начинаются.

Российские СМИ часто при переводе заменяют слово «лун» словом «дракон», при этом используя последнее для создания положительного образа Китая; например, журналист газеты «Аргументы и факты» («АиФ») Георгий Зотов писал так:

Тигр в пасти дракона. Как России извлечь выгоду из „разборок“ Китая и США? Медведь во время схватки этих крупных животных будет лучше деликатно стоять в сторонке (АиФ. 01.02.2017).

Г. Зотов сравнивает КНР с драконом, США — с тигром, а Россию — с медведем, и тем самым объясняет сложившуюся сложную ситуацию между тремя странами. В данном случае образы животных, представляющие страны, акцентируют идею о непростых межгосударственных отношениях.

Приведем пример использования слова «дракон» в отрицательном значении. Описывая экономические связи между Россией и Китаем, генеральный директор Фонда на-

циональной энергетической безопасности РФ Константин Симонов сказал следующее:

Я три года задавал американским экспертам один вопрос: зачем Соединенные Штаты загоняют Россию в объятия китайского дракона? (Ведомости. 23.01.2017).

Из контекста видно, что российские СМИ также используется слово «дракон» в отрицательном значении, представляя Китай как крупное, жадное, агрессивное и опасное государство.

Автор «АиФ» Георгий Зотов следующим образом охарактеризовал пограничный конфликт между Россией и Китаем:

Аналогичная ситуация и с РФ: Даманский напрочь отбил у Поднебесной желание общаться с россиянами на языке оружия. Гораздо хуже другое — Пекин стал использовать прием „ползущего дракона“ (АиФ. 05.03.2014).

Назвав Китай «ползущим драконом», Г. Зотов выразил мнение о том, что Китай не хочет вступать в открытый конфликт с Россией, создав образ опасного и хитрого соперника, старающегося незаметно установить контроль над спорной территорией при помощи сильной экономики, а не оружия.

В российских СМИ есть и такие заголовки с компонентом «дракон», которые образно представляют некоторую проблему и одновременно создают неблагоприятный образ Китая: «*Тень дракона. Что обещает России грядущее сближение с Китаем?»* (АиФ. 09.04.2014); *«Как дракон съел слона. Почему России не надо следовать путем Индии»* (АиФ. 02.11.2016); *«В желудке у дракона. Как Китай завоевывает Среднюю Азию»* (АиФ. 26.08.2015) и другие.

Проведенное исследование показало, что метафорические образы медведя и луна часто используются в русском и китайском политическом дискурсе. В современных российских СМИ медведь метафорически представляет политический авторитет России, ее внутреннюю и внешнюю политику, также ее правящую верхушку. В современном политическом дискурсе в качестве доминирующего при метафорическом употреблении слова «медведь» выступает компонент значения «сила». Таким образом, в глазах россиян Россия предстает как мощное государство, способное защитить себя. В свою очередь, лун репрезентирует Китай и в глазах китайцев является символом всего священного, благородного, сильного и успешного, представляя Китай как авторитетное государство. В глазах мировой общественности как медведь, так и лун часто транслируют негативную оценку.

Такими образом, при употреблении в политическом дискурсе слов, именующих животных, в функции вторичной номинации, актуализируются связанные с данными животными культурные ассоциации и оценки. Использование метафор с зоокомпонентом позволяет политикам более эффективно воздействовать на аудиторию и при этом раскрывает специфику языковой картины мира говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.

2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык средств массовой информации. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 134—140.

3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43—49.

4. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 24 с.

5. Гукетлова Ф. Н. Зооморфизмы как фрагмент формирования лингвокультурологической компетенции // Вестн. ПГЛУ. — Пятигорск, 2008. № 2. С. 105.

6. Гэн Юаньюань, Плотникова Г. Н. Отзоонимные прилагательные в культурно-языковом пространстве // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 123—127.

7. Жаковска М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX — XX вв. // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 15—19.

8. Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 58—68.

9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

10. Линь Линь. Происхождение и эволюция мифологемы Лун // Литературно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 20—24. — (На кит. яз.)

11. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. — М. : Академия, 2007.

12. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентично-стей / пер. В. Литвинов, И. Пильщиков. — М., 2004.

13. Рябова Т. Б. Медведь как символ России: социологическое измерение // Русский медведь : история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М. : НЛО, 2012. 338 с.

14. Сюе Яхун, Го Вэйхай. Сопоставительное изучение когнитивной семантики зоометафор в китайском и английском языках // Вестн. ин-та Чанцзи. 2010. № 6. С. 71—76. — (На кит. яз.)

15. Тимофеев М. Ю. Красный медведь из страны большевиков // Лабиринт : журн. социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 45—49.

16. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

17. Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 276—279.

18. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers. 2004. Vol. 18. P. 27—35.

Lin Xue
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0406-4875 ☑

☑ ***E-mail:*** *email.*

Russian *Bear* and Chinese *Long*: Zoological Metaphor in Russian and Chinese Political Discourse

ABSTRACT. *Zoometaphor plays a very important role in linguistics, especially in contrastive studies, and has long attracted the attention of both Russian and Chinese linguists, including A. N. Baranov, A. P. Chudinov, F. N. Guketlova, T. S. Vershinina, Zhao Yanfan, Xue Yahong, Guo Weihai and others who also show deep interest in the role of this kind of metaphor in political discourse. Russian linguist A. P. Chudinov believes that each concrete metaphor reflects the worldview of one person thus contributing to the creation of a common metaphorical picture of the world of a certain society. Representations of the animal world, characteristic of Russian and Chinese cultures are reflected in zoometaphors involved in political discourse in both languages. Chinese linguists Xue Yahong and Guo Weihai consider the conceptual metaphor "man is an animal" one of the most important means of cognition and representation of knowledge in language. By resorting to zoometaphors statesmen and politicians choose a more effective and efficient way of conveying their political views and thus exercise a stronger influence on the target audience. The article analyzes examples of metaphors with the "bear" component and metaphors with the "Long" component. These two words play an important role in conceptualizing the world of Russian and Chinese people and metaphorically represent the two cultures. The image of the bear metaphorically represents the political authority of Russia; the use of the word "bear" stands for "strength" contributing to a positive image of a powerful state that can protect itself. Likewise, Long represents China, and in the eyes of the Chinese it is a symbol of everything sacred, noble, strong and successful, so it shows China as an authoritative state. It is stressed in the article that both Long and the dragon have mythological roots and arouse different associations, therefore it is appropriate to use the word "Long" rather than "dragon" when addressing Chinese culture. Analysis of metaphors with the bear and Long components in western political discourse shows that respective metaphors can transmit negative attitudes, which points to a controversial attitude of western politicians to Russia and China.*

KEYWORDS: *zoometaphors; political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political discourse; «bear»; « Long »; Russian; Chinese; comparative linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lin Xue, Candidate of Philology Degree Applicant, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Lin, Xue.* Russian *Bear* and Chinese *Long*: Zoological Metaphor in Russian and Chinese Political Discourse / Lin Xue // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 177-184. — DOI 10.26170/pl19-05-19.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Implementation of the concepts "friend or foe" in russian political discourse in the beginning of XXI century // Political Linguistics. 2014. No 1 (47). P. 40—50 [Realizatsiya kontseptov «svoy — chuzhoy» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 40—50]. — (In Rus.)

2. Baranov A. N. Political Metaphorics of a Journalistic Text: the Possibilities of Linguistic Monitoring // Media Language. — Moscow : Publ. House of Moscow State Univ., 2003. P. 134—140. [Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 134—140]. — (In Rus.)

3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualization of conflict in Syria in US and Russian mass media // Political Linguistics. 2016. No 2 (56). P. 43—49. [Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 43—49]. — (In Rus.)

4. Vershinina T. S. Zoomorphic, Phytomorphic and Anthropomorphic Metaphor in Modern Political Discourse : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Ekaterinburg, 2002. 24 p. [Zoomorfnaya, fitomorfnaya i antropomorfnaya metafora v sovremennom politicheskom diskurse : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 24 s.]. — (In Rus.)

5. Guketlova F. N. Zoomorphisms as a Fragment of the Formation of Linguocultural Competence // Proceedings of PSLU. — Pyatigorsk, 2008. No. 2. P. 105. [Zoomorfizmy kak fragment formirovaniya lingvokul'turologicheskoy kompetentsii // Vestn. PGLU. — Pyatigorsk, 2008. № 2. S. 105]. — (In Rus.)

6. Geng Yuanyuan, Plotnikova G. N. Adjectives derived from zoonyms in the cultural and linguistic space // Political Linguistics. 2016. No 2 (56). P. 123—127. [Otzoonimnye prilagatel'nye v kul'turno-yazykovom prostranstve // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 123—127]. — (In Rus.)

7. Żakowska M. The hunting bear, the bear hunting: Russia in German caricature of 19-th and 20-th centuries // Political Linguistics. 2011. No 1 (35). P. 15—19 [Medved' na okhote, okhota na medvedya: Rossiya v nemetskoy karikature XIX — XX vv. // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 15—19.]. — (In Rus.)

8. Kerimov R. D. Zoometaphors in the Language of German Politics (linguocognitive aspect) // Proceedings of Perm Univ. Russian and Foreign Philology. 2013. Iss. 2 (22). P. 58—68. [Zoometafory v yazyke nemetskoy politiki (lingvokognitivnyy aspekt) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2013. Vyp. 2 (22). S. 58—68]. — (In Rus.)

9. Lakoff J. The Metaphors we Lived by. — Moscow : URSS editorial, 2004. 256 p. [Metafory, kotorymi my zhivem. — M.: Editorial URSS, 2004. — 256 s.]. — (In Rus.)

10. Lin Lin. The Origin and Evolution of the Loon Mythology // Literary and Historical Journ. 2000. No. 3. P. 20—24. [Proiskhozhdenie i evolyutsiya mifologemy Lun // Literaturno-istoricheskiy zhurnal. 2000. № 3. S. 20—24]. — (In Chinese).

11. Maslova V. A. Linguoculturology : textbook for students of higher institutions. 3rd ed., rev. — Moscow : Academy, 2007. [Lingvokul'turologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 3-e izd., ispr. — M. : Akademiya, 2007]. — (In Rus.)

12. Neumann I. Using the "Other". Images of the East in the Formation of European Identities / transl. by V. Litvinov, I. Pilshchikov. — Moscow, 2004. [Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichno-stey / per. V. Litvinov, I. Pil'shchikov. — M., 2004]. — (In Rus.)

13. Ryabova T. B. The Bear as a Symbol of Russia: The Sociological Dimension // Russian Bear: History, Semiotics, Politics / ed. O. V. Ryabova and A. de Lazari. — Moscow : UFO, 2012.

338 p. [Medved' kak simvol Rossii: sotsiologicheskoe izmerenie // Russkiy medved' : istoriya, semiotika, politika / pod red. O. V. Ryabova i A. de Lazari. — M. : NLO, 2012. 338 s.]. — (In Rus.)

14. Xue Yahong, Guo Weihai. Comparative Study of Cognitive Semantics of Zoomethaphors in Chinese and English // Journal of Inst. in Changji. 2010. No. 6. P. 71—76. [Sopostavitel'noe izuchenie kognitivnoy semantiki zoometafor v kitayskom i angliyskom yazykakh // Vestn. in-ta Chantszi. 2010. № 6. S. 71—76]. — (In Rus.)

15. Timofeev M. Yu. Red Bear from the Country of the Bolsheviks // Labyrinth : Journ. of Social and Humanitarian Research. No. 2. P. 45—49. [Krasnyy medved' iz strany bol'shevikov // Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. № 2. S. 45—49]. — (In Rus.)

16. Chudinov A. P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. — Ekaterinburg, 2003. 248 p. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.]. — (In Rus.)

17. Chudinov A. P., Nakhimova E. A. Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication // Political Linguistics. 2015. No 3 (53). P. 276—279. [Metaforicheskiy antropomorfizm v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 276—279]. — (In Rus.)

18. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers. 2004. Vol. 18. P. 27—35.